
НА ЗЕМЛЕ

1

Когда-то весь Заволок, хотя и слыл он на Алтае за деревню, в горсть собрать можно было. Заседатель, заглядывая сюда, так и говорил заволокцам: «Да я вас, таких-сяких, в кулак всех и — по ветру!» Не ядреное было селение, но за себя постоять могло. Даже перед начальством. По другим местам старцы-начетчики только и знали, что от вражеского ока книги старого обряда прятали, а в Заволоке всё на виду.

Примчится кто-либо из начальства, пошумит для порядка, пугнет попом-миссионером и — прочь. Знали заволокинские, как гнев власть имущих в ласку обращать: покой-то дороже золота.

Жители тутошние считали хозяевами себя. «Наши предки, — повествовали они, — еще при царице Катерине земли эти заняли. Жители мы что ни на есть коренные!»

Самым почетным человеком в Заволоке был старец Анисим Бирюков. Двор Бирюкова — хоромы, а в хоромах тех — молельня, а в молельне — все богатства староверьья: крест осьмиконечный литого серебра; чаша в золоте, четьи-минеи времен незапамятных; апостолов послания, киноварью расписанные.

Старший сын у старца — богатырь. Павлу под пятьдесят, а он дедову соху — парой кони еле тянут — так и пошвыривает на пашне. С медведем такому повстречаться не страшно.

Поднялись годков этак пяток тому назад алтайцы против Заволока. Горько стало инородцам: затеснили их

мужики, с самых тучных пастбищ изгнали, к матери Катунни на локоть не подпускали. И вот собрались с духом алтайцы, вооружились батожками, да и нагрянули к Заволоку. Тут и отличился Павел, сын Анисима. Первым к косоглазым вышел.

— Пошто пришли, н-но?!

Так взревел, что и заседателю завидно стало бы.

Смутились алтайцы.

— Гости пришли, гости! — закричали передние.

— В гости? — ухмыльнулся Павел. — А для чо же, басурмане, оружие с вами?..

Выскочил из толпы один, тощегрудый, старенький. Не выдержал: плачет, косички крутит, кричит Павлу наголос:

— Жюлики ваша, жюлики!.. Землю грабил, Катунь брал, к шишам гнал... Жюлики!..

Дрогнули алтайцы, ошетинились, и быть бы тут побоищу, да нашелся в одночасье Павел.

«Господи Иусе!» — покрестился, крякнул и со всей силы отпустил старику оплеуху.

«А, кудаим!» — вырвалось у толпы, а Павел, сбоченившись, как есть один, не оглянувшись даже, пошел на врагов. Двинулась за ним и вся громада заволокская.

Тут и разбежались алтайцы кто куда без крика. Утащили за собой и старика полумертвого.

Говорили с той поры о Павле:

— Орел у нас Павел... Как войнишка с Алтаем была, первым за мир постоял!..

Павел долговяз, нескладен. Длиннорук он, буен волосом, тяжел и угрюм в словс, а глаза отцовские: сини, молоды. Все в них по-ребячьи открыто. Кажется, загляни хорошенько, так и доньшко увидишь. Только в сердцах, злобясь, темнели, колючим огнем наливались глаза Павла. Так было и в тот раз, на зимнего Николу, как прибыл из Бийска за пушниной Прокл Кучурла и разговорился о всяких недобрых новостях.

Раз в год гостевал купец в Заволоке, и народу стекалось к Бирюковым пропасть: каждому охота послушать, что на белом свете деется. Собрались и тут. Долго о всякой всячине молол гость, а на закуску, прищурившись, выпалил:

— Ну, братцы, тепер доржись за грядушку!

Притихли вокруг.

— Чего еще, выкладывай, — попросил Анисим.

— А и выложу, за мной не станет... Только худое слово у меня!

Отпил Прокл кваску, обсосал не спеша усы, да и оповестил:

— Так что гостенечки к нам из-за Каменного Пояса жалуют, на земли наши садятся, деревни свои обособывают.

Загудели люди:

— Каки-таки гости, где садятся, по чьему приказу?..

Торговый человек закачал головою.

— Эх вы, глухари! Сидите, как ведмеди в берлоге, а у Сросток две займки построились, да и повыше, бают, селение налаживается... Люди идут дошлые, начальство же не сильно, похоже, обижает их... Почему так? А потому, что много от них, мужиков тех, беспокойства на родных-то землях... Кому? Известно кому: господам помещикам!.. Слышали, чай, чего натворило крестьянство-то там... опосля войны с японцами?!

— Как не слышать, слышали! — подал голос Анисим. — У нас тож происшествия всяки были с суседями нашими, алтайцами... Вон он, Павел-то, сынок-то мой, первый о ту пору за мир постоял... Ну, ин ладно! Ты вот, Прокл Ермолаич, насчет Сросток помянул... А не слышал ли, какой они, тамошние-то новоселы, веры доржатся?..

— Веры христианской, а только не вашей... Из Бийска попа просят... Однако ж не в том беда!

— А в чем?

— Да вить их тыщи прет! — воскликнул Кучурла. — Поймите вы — тыщи! Всю вашу Катунь полонят...

— Но? — поднялся в углу Павел.

— Скрозь все погрызут!..

Воззрились мужики на Павла и видят: потемнели ясные глаза его, колючим огнем брызнули.

— Чего зря болтать... Не бывать этому!..

Громыхнул, как камень повернул.

И примолк торговый человек Прокоп Кучурла.

2

Минуло с того разговора около двух лет. Стоял май на дворе. С пахотой эту весну управились рано: вольготничали заволокцы. У Аввакумовых дочку сводом свели с Яковом Устиновым из Бухтармы. Старец Анисим обряд

совершал, был в ударе, много по книгам читал,— размлели гостенечки вовсе.

Праздновали три дня свадьбу. Пили годовалую травянуху, скакали по долу на рысаках, пели вечерами хором об Иисусе Христе, ходящем по земле в белых ризах.

Мутило у Павла после гулянки всю ночь под ложечкой. Встал наутро поздно — солнце к Синь-Погромым вздрало,— вышел босой за ворота. Стоял, позевывал, выбирал из лохматой бороды дудочки соломы.

В раскрытых оконцах солнце на стеклах плескалось. Рдел воздух от зноя. Высунув язык, томилась под лестницей Зимуха.

Огляделся Павел, вобрал в синюю заводь глаз всю улицу, сказал:

— Эн как парит!.. Быть к полудням грозе...

Вспомнил: до света молодая чета Аввакумовых выехала в Бухтарму.

— Неисходно ливень на перевале прихватит... Задаст Наталье с Яковом!..

И улыбнулся в бороду.

— Кажет молодухе господь плодородье...

Повернул ко двору, да заметил вдали человека, приложил руку к глазам:

— Не здешний человек.

У заплота, заросшего сурепицей, шел спрехвала старичок. Был он в лапотках, в холщовой, по колена, рубахе, с котомкой за плечами.

Яро кинулась на странника Зимуха. Павел рукой не пошевелил. Сразу, с первого огляда, не по душе показался ему чужак этот.

— Здорово живешь, мил человек, не знаю, как тебя по имени-отцу величать...— запел гость, снимая шапчонку; жемчугом блестели на лысине капельки пота.— Измаялся я, хозяйшко, затрудился... Разреши ты мне после пути долгова вздохнуть малость...

Теплилось древнее испитое лицо улыбкой. По-особому, по-стариковски, путался в оттопыренных усах печеричный нос.

— Проходи! — сказал угрюмо хозяин.

— А и спасибо ж тебе, золотая душа! — ожил старик.— Сам Христос повелел странного принять...

Холстина, темная от горячего пота, прихлестнулась к острым лопаткам странника. Шел он, рассыпая легкие слова, и все поддергивал на ходу набивчатые штаны.

— Прийми, что ли!..— кинул Павел жене, пропуская гостя в избу.

Усадили бабы странника у краешка стола. Пошущукались, достали запасную миску, принялись угощать.

— Скусное печенье-варенье ваше,— хвалил захожий человек.— Не ел бы, да съешь!..

Кончив с пятой шаньгой, вытер пальцы о седые сосульки на затылке, отрыгнул в сторонку и повеселевшим голосом молвил:

— Эхма! Теперича чайку бы...

Улыбнулась Викторовна, жена Павла, переглянулась с младшей снохой.

— Ох, божий человек, не потребляем мы этого зелья...

— За грех считаем,— вставил Павел.— И тебе не усоветуем, как звать-величать, не знаю...

— Так, так...— протянул гость.— Епифаном зовусь!..

Он полез было рукой за пазуху, да заколебался:

— Может статься, и табачок у вас в отлучении...

— Кто табак курит, тот духа святого от себя турит,— уже сурово сказал Павел.

— Так, так... Ну, спаси вас богородица! Накормили, насытили...

3

В полдень и впрямь понадвинулась с запада туча. Грозовая. Сила в ней огненными стрелами так и хлестала. Принахмурились ближние сопки. Седой лудою поблескивала в просветах лиственниц Катунь. Потемнела сплошь заволоцкая долина, насупилась. Только на задворках, как всегда, мирно и уютливо булькал Уй-су.

И вот будто весь мир со страха онемел: полоснуло по туче, грохнуло и покатилося за горные хребты тугим гулом.

— Свят-свят-свят, господь бог саваох! — кинулась молодуха младшего, Василья, к раскрытым оконцам.

И снова, осенив все вокруг синим полымем, тарарахнуло в небе.

Распушив хвост под ветром, с визгом пробежала по двору Зимуха.

Сидели с минуту молча люди, отененные близкой тучей. Столы, гора подушек на кованом сундуке, темные, старого письма иконы в углу, казалось, ожили и притаились до поры, выжидая, что будет впредь.

— Ты, Епифан, божий гнев нам накликал,— сказал Павел, не глядя на старика.

— Божье дело, милай, божье...

Вошел промокший Анисим. Мерный, тягучий шум дождя ворвался за ним. Повеяло знойной, отдувающейся под ливнем, землей.

— О-т так дожжок! — обронил, встряхиваясь, хозяин.

Жилистый и долгий, белый с ног до головы, похожий обликом на апостола, принялся он креститься, истово вытянув пальцы. Потом, чуть-чуть сощуриив глаза, оглядел всех и нежданно твердым, молодым голосом молвил невестке:

— Анна! Забыла?!

— Чо, батюшка? — метнулась к нему молодуха.

— Чо, чо... Свечу затепли! Вон чего на дворе-те...

— Головушка горькая... Запамятовала!..

Епифан поднялся навстречу.

— О! Никак гость?.. — сказал Анисим.

— Гость, родимый, гость!.. — запел старик. — Сынок-от твой, дай ему боже, принял...

— Отдыхай, коли во имя господне...

Как был в мокрой рубахе, присел Анисим у стола, помолчал, спросил:

— Откуда, брат, будешь?

— Я-то? — вскинулся Епифан. — Издалечка, родненький, издалечка... Брожу вот, белый свет гляжу... Ох-хи-хо!..

— Странствуешь?..

— Да как сказать... И странствую и дельце есть...

— Дело?.. Свят-свят-свят...

В грохоте удара не было слышно Епифана. Только видно было, как бороденка шевелилась. Бледный язычок свечи у икон дрогнул, распух, покраснелся.

Ливень повернул вместе с ветром и теперь хлестал в самые стекла, размазывая по ним глину.

— Пойдем не то в горницу,— позвал Анисим гостя.— Посидим.

— Строго вы тут живете,— сказал Епифан, опускаясь на табурет и оглядывая горенку.— Строгость во всем. Даже китайской травкой не балуетесь...

— Вера наша... как те?..

— Епифан, родной...

— Вера, Епифаний, така наша!..— подбираясь, произнес хозяин.— Вера наша старая...

— Вера — оно, конечно...— Епифан опустил глаза.— А только правду сказать, и веру не всякому блюсти дадено...

— Вера всем человекам закон!..

— Закон-то закон, да вить и закон в меру сил исполняем... Ох-хо-хо! Иной бы и рад в рай, а средств не хватает...

— Ой, не годится так!..

Хозяин не спеша разгладил бороду.

— Я вот чо скажу тебе... Охота послушать, Епифаний?

— Как сказать...— нерешительно отозвался гость и поднялся на ноги.— Полежал бы я с дороги, побаловал бы старые кости...

— И то ладно... С пути отдохнуть баско!..— согласился Анисим.— Ступай, брат, уж Василий, младший мой, в бане устроит тебя...

Оставшись один в предбаннике, Епифан разостлал зипунишко, скрутил цыгарку и лег.

— Староверы, значит,— сказал он вслух, затягиваясь горьким дымком.— Ничего... Нам это все едино!..

Ощерил в улыбке жухлые зубы.

— При таком добре всяка вера хороша!

Уснул Епифан скоро и сразу поднял храп на весь бирюковский двор.

И пока спал, весть о том, что пришел в Заволок неведомый человек, разносилась по всем избам.

Кто он, этот пришелец? Уж не из Ползуновой ли?..

Еще только надувало золотом небесный парус, а со двора подымались уже голоса хозяек, совсем как клекот наседок.

Напряг Павел, потягиваясь, широкую грудь, ровно кедровище погнул. По тому, как весело чивиликали у застрехи воробьи, сразу почуял: утро разгорается погожее.

Непочатые силы хмелем наполняли голову. Дыбились, табунились мысли: о займке, заново слаженной, о новом приплоде в отаре, о Сеньке-стригунке... Такой будет конь — под князя в пору!

И вдруг зачало на душе у Павла:

«Странник энтот... Елифан!..»

Вспомнил, повел желваками скул.

«Каков-таков человек, зачем, чего ему надо?..»

Пришел незванный, непрошенный и хоть бы слово — зачем пришел. Уж не из Ползуновой ли?..

Ох, это Ползуново... Жили издавна беспоповцы там, семьи степенные, стародавние. Павел и жену себе от туда взял. Добротны жили люди. И вот пришли-явились издалека навозники, лапотники, вшивцы. Налетели, как саранча, уселись, вцепились и ну — сосать!.. В три годочка все к рукам прибрали... Раздобрели, всю сласть у земли забрали, старосту из своих поставили. Поплевы-вают на старожилы, насмеваются: и пахота не так, и избы не по-ихнему!.. Начали стародавние семьи, кто куда, в разные стороны расплзаться... Одни — на Катанду, другие — в Бухтарму: подальше от дьявольского семени, от водки, от табаку, от попов-выжиг... Пропал куток!..

Вышел Павел, шлепая босыми ногами, на крылечко. Покричал засыревшим голосом:

— Ванятша!..

Сынишка тут как тут, бурундук остроглазый.

— Где энтот... старик... странник вчерашний?..

Свистнул Ванятша:

— Она!.. До свету к полям убрел...

Заспешил Павел:

— Обряди-ка, сынок, буланку!..

Встал Елифан и впрямь еще до света, поплескал в лицо студеной водой из бочонка, покрестился на прохладный восток и пошел к полям.

Острым взором провожали заволокцы нового человека. Шел тот налегке, без опояски, засучив штанины: в росе не мочило бы. Встретилась девонька с полными ведрами, крепкая да статная, как сохатый зверь. «Вот бы Герасиму моему в жены, — подумал Елифан. — Нарожала бы внуков целый косяк, а земли тутто на всех хватит...»

Долго шел подолом горным, по тропинке, и все зарился на стороны, будто впервой белый свет увидел!
— Травушка-то, травушка...

Попалась одинокая лиственница, прямая, ядреная, камень — не дерево.

— Кедра ливанская, древа перемытная!..

Глянул налево, в горную щеку, темную от леса... Покрутил, ощерившись, головой:

— Сила, сила-то какая!..

Направо, налево и прямо, по долу, зеленели, синели, дымились горы. Прыгали у ног кузнечики, крутил тугим кругом беркут в набухшем за ночь небе и где-то совсем близенько позвякивали колокольцы: не иначе — паслось тут овечье стадо.

— Чаша алмазная, кладовка несметная! — бормотал, умиляясь, старик. — Богатства-те, богатства-а!..

Ударил руками по кострецам, произнес громко, напевом:

— Епифан, Епифан! Ужели доведется тебе людей обрадовать?!

Поднялись в памяти полынные земли, люди на привязи, с рабскими лицами, и над всем брюхатый урядник со старшиною: дай-подай им подати, а не то последнюю овцу утащат... Да что овца! Они и коня со двора сведут, у кого только он, конь-то, имеется.

«Ой, загинет, загинет навсё народушко, коль ты, Епифан, пустопорожним воротиться!»

Издалека приметил гостя Павел. Шагал старик у зеленой пашни, клонил низко голову, приглядывался.

«Эн как охаживает, язва!» — выругался Павел, смахнул с коня и — размашистой поступью к Епифану.

А тот, присев на корточки, разминал в ладошке кусок жирного чернозема, пьяно улыбался.

— Раненько поднялся!.. — начал Павел. — Пошто этак-то?..

Старик разогнул спину.

— Эх, милай! Время — золото...

— Да у те кака-така спешка-то?.. — Голос Павла басовито напрягся. — Ровно бы ты отмерщик какой... Ходишь тут!..

— Хожу, белый свет гляжу! — увернулся Епифан. — Кому от того худо?..

— Надо знать, где ходить! — процедил сквозь зубы Павел.

— По земле хожу, по божьей... — улыбнулся старик. — Ходи всякой, всякому места хватит...

И по-другому, уступчиво, спросил:

— Пошеничка, гляжу, засеяна... Ржицу-то, ярицу, тоже, чай, сеете?..

— Сеем!.. Да ты кто таков, но?! Пошто таишь-ся-то!..

Стояли лицом к лицу. Один большой, плечистый, желорукий, другой сухонький, легкий, похожий на озадаченного бурундука.

— Нам, милай, скрывать нечего... Крестьяне мы... А пришли из Россеи. От обчества... А што?..

Заглянул пытливо в глаза Павла, ничего не разглядел, смутился старик. Продолжал дрогнувшим голосом:

— Ходоком я... от мира... Из голодных, сказать, мест... Из самых пропадаших...

Павел молчал, посапывая. И вдруг — глухо:

— Так ты не из Ползунова ли?.. Ползуново тут, в низах реки...

— Был, милай, был... — ожил Епифан. — Наших там, курских, содом!.. Танбовские тоже... Танбовских, гляди, больше... Ну, доложу, нар-р-род!.. Трое дён охаживал так и этак: по приговору просился... Хоть бы тебе што!.. В ус, анафемы, не дуют...

Павел молча повернул к коню, старик за ним, продолжая о своем:

— Ты, говорят мне, незаконное, землячок, просишь. Ты должен то унять: земли здешни кабинецкие!.. Слышал? Ка-а-аби-нецкие!.. Да што ж, кричу я, не стерпел — кричу: што ж вы, сукины вы сыны, этакое мне гуторите?.. Вы-то на какой земле уселились?.. Нар-р-род!.. Слопать готовы, ей-ей! А земляки... Ихняя, понимаешь, губерния к нашей — рукой подать... Плюнул, ушел я!.. Свой один, курской, направил... Ты, говорит, выше иди, по реке... Там, говорит, пустопорожных земель... ай-яй-яй!..

Молча отвязал Павел чумбур, пнул коня в бок, вскочил в седло.

— Куда ж ты, родной?

— Во кудыкино поле!.. — крикнул Павел и так взгля-

нул на старика, словно собирался пристукнуть его.— Да ты што, язви твою бабушку! Проследчик мой?..

Опешил старик, а Павел хватил плеткой буланую и — вскачь напрямки, травами.

5

Хлестал ветер по двору, плыла под небом муть, горы — в туманах. За банею — лихая брань.

Кричал Василий, младший:

— Твово тут ничего нет!.. Сказали тебе старики: «Ба-ста», ну и убирайся на все четыре!..

Захлебывался визгливый старческий голос:

— Куда, куда-а-а я пойду?.. Я все земли... выходил!..

«Ага, накололся, запел!..» — ворчал про себя Павел, подвигаясь на крики.

Старик Елифан наступал на Василья, топтался, отпрянув, на месте, хватал себя за живот. Трепалась под ветром бороденка, тускло поблескивал череп, голый, с седьми завитушками на затылке, Увидя Павла, метнулся к нему:

— Слухай! Куда я пойду?.. С чем?! Чем людей обрадую?.. «Наше... Все наше!..» Ой, умирать будете, в могилу всего не возьмете...

Чуял Павел: кричал кто-то, кому не было выхода, и нельзя крику тому помешать.

— Сели тут, завладели всем!.. Много ли прошу!.. Погибать нам, а?.. Люди вы, нет?!.

Молчание Павла ярило, подхлестывало старика.

— Навроде наших бар, всё под себя подмяли! — вопил он.— Ли это правильно, ли это по-человечьи?! Павел, тебя спрашиваю!

Молчал, как воды в рот набрал, Павел, и тут ухватил его Елифан за полу:

— Ага, язык отнялся!.. Ну, так знайте же, ироды: не будет по-вашему... Придем!.. Всё одно — придем!..

Сломалась у Павла бровь, бросил хлестко:

— Придешь, так ни с чем и уйдешь!..

— А вот не уйдем!

— Уйдешь!..

Заревом вспыхнул Павел, взглянул на него старик, отшатнулся.

— Василей...— выронил, пятясь.

Но сдержал себя Павел, опустил зажатую в кулак руку.

6

Каждое утро собирался Епифан в путь, да все откладывал: ждал чего-то, на что-то надеялся.

Уже не звали его ни к полудням, ни к ужину. Выходила молодайка, Васильева жена, на крылечко, кричала ребятам, шли бы к трапезе, а старика как бы вовсе и не замечала.

Только Анисим посылал кое-когда с мальчонкой съедоби гостю. Но однажды и Ванятша заартачился.

— Не! — покрутил он головой.— Неси сам...

И не принял для Епифана хлеба.

Соседи окликали Павла на улице:

— Ну, чо? Сидит... этот?..

— Сидит!..

— Ха! Да он пошто ж так-то?..

Павел молчал.

— Уж не поджидает ли, старый, кого?.. Дать бы ему по маковке!..

— Дай! Кто тебя держит? Дай!..

И уходил, не слушая соседа.

Волшебным колобком катились догадки со двора во двор, из избы в избу.

Не Епифан был страшен. Страшны были те, неведомые, которых гнал голод из-за Каменного Пояса. Вот уйдет старик, разнесет по свету весть о заволокских землях, и тогда прости-прощай вольготная жизнь.

7

Заволокло небо мокрой овчиной. Подул с севера ярый ветер. Насупились, как верблюды без жвачки, горы. Казалось, этого-то и ждал Епифан.

— Да ты чо, бог с тобою, в этаку-то погоду?— говорил Анисим, видя старика одетым по-дорожному.— Куда спешишь?.. Дольше сидел...

— Нет уж, пойду! — мотнул головой Епифан.— Соня дурной видел...

— Сон, брат, от дум дурных... Пережди!..

— Пойду, не держи!..

Поклонился старик хозяину в пояс:

— За хлеб, за соль!..

Сморгнул Анисим:

— Прости, коли что... Куда теперь?..

Промолчал старик. Обернулся ко всем домашним:

— Прощайте, хозяйюшки!.. Хлебца бы мне на дорож-

ку...

Кинулась Викторовна за караваем.

— Зря ты, на ночь глядя...

— Чего уж!..— махнул Епифан рукою.— За Катунь переберусь, по заимкам пойду...

Сунул каравай в суму, поклонился еще раз низенько и вышел.

И впрямь вечер недобрый выдался. Шумел и шумел тальник. Волновалось сизое небо.

Услышал старик за околицей:

— Эй, погоди!..

Оглянулся:

— Пал Анисимович?..

Тяжело дышал Павел. В сумерках голова у него, как болотная кочка. Руки ниже колен — сучья у кедра. Бухлым заговорил голосом:

— Зря ты к парому... Кто те паром об эту пору даст?..

Голова!..

— Ой ли?..— растерялся старик.— Не подумал я!..

— Ладно, иди... Подсоблю!..

— Ты?..

Дрогнул у Епифана голос:

— Зря беспокойство тебе... Заночую не то!..

— Айда, идем!— шагнул вперед Павел.— Челнок у нас свой...

Лежал путь лугами, серыми под заглухшим небом. Ветер метался раненой лосью. Едва поспевал Епифан за Павлом.

— Потихе бы ты!

Не оглядывался Павел. Бормотал старик в спину ему:

— Эка ветряга... Дух перенимат... Батюшка Павел!..

— Но?

— Не серчай ты на меня... Не по воле пошел... Глав-

ное, баре... И это, как его... До бога высоко, до царя далеко... Ложись, помирай!..

Не слушал Павел. Рвал, метал стариковы слова ветер.

— Сынок у меня: ступай да ступай! Послужи обществу...

Гудел кедрач. Катунь — как бубен шаманский: стонут, звенят, грохают волны. Черен тот берег, зги не видать.

Вдруг остановился старик:

— Паша!.. Эвон чего по реке-то...

— Уплывем!..— оттолкнул его Павел.— Вёрхом идет...

— Ой, милай... Не вышло б беды!..

— Жидок ты, язви тебя!..

Прошли к самой воде, потянул Павел лодчонку-душегубку на булыжник. Епифан присел вдруг на корточки, завернулся полой зипуна.

— Ты... чо там?

Молчал старик.

— Ты чо, лешак те дави?!.

Отряхнул Епифан полы. В зубах — цыгарка, прыгала, рассыпала по ветру искры.

— Сичас я, сичас!.. Курну разок...

Совал дрожащей рукой ко рту цыгарку, затягивался дымком, сплевывал.

— Лезь! — зыкнул Павел.— Изгиляешься надо мной?..

— Иду я, иду...

Споткнулся Епифан о весло, грузно осел на дно челнока, а Павел, одно за другим, под мышку себе весла.

— Держись!

— А ты?— вскрикнул старик.

— Управлять буду.

Навалился Павел на нос челнока, надал с берега, двинул в волны.

— Што ты дела-а-а...

Вцепился старик в борты. Изо рта — диким воплем:

— А-а-а!..

Крутануло душегубку и понесло на волнах. Гудел кедрач, дыбились волны медведицами, скакали волчьим скоком. И уж не слышно было голоса старика, только видно было, как рвануло из стороны в сторону челнок и закурило.

Пробормотал что-то про себя Павел, повернулся рывком и зашагал под ветер, не оглядываясь.

Выбирали по осени в Заволоке старосту. В один голос сходка: Павла Бирюкова!

Отказывался Павел от мирской чести:

— Не способен я, старики... Куда мне!..

Слышать не хотели заволокцы:

— Да ты у нас, Пал Анисимыч, щит!.. Иного такого нету и не было...

— Недостоин я! — вздыхал Павел. — Нет на мне божьего благословения... Грехи дают!..

— Бог те, Павел, простит!.. — гудели мужики. — Кто для ради мира грешит, не его то грех... Становись, правь!..

Отвесил Павел земной поклон старикам, принял посошок вожака. Годовалую пили по тому случаю травянуху всем миром, а вечером, в час поздний, пели хором об Иисусе Христе, ходящем по земле в белых ризах.

И песни эти слышали с той стороны Катуня чужие мужики. Было их трое. Все как на подбор: долговязы, тощи, косматы. На плечах черных, изъязвленных — тысячеверстный груз. Спросил один у паромщика:

— Об чем поют там?

Глянул паромщик, прихмурился:

— А вы откуда?..

— Рязанские мы...

— Эх-ха! А пошто сюда?..

Старший в онучах, посошок в руке, — отвечал без намека на улыбку:

— Блох ваших отведать охота..